

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 992-1008. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.992
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Birch Bark Tobacco Boxes of the XVIII-XIX centuries of Turkic People in the Taiga Region of Chulym (the South of Western Siberia)

Olga B. Belikova ^{a,*}

^aTomsk State University, Russian Federation

Abstract

Drawing on archaeological materials, the article looks into issues associated with tobacco consumption in the south-eastern periphery of Western Siberia, more specifically, in the taiga region of Chulym (the Chulym River which is the right tributary of the River Ob). It provides an analysis of eight birch bark tobacco boxes – found on 18–19th century sites – that were used by the aboriginal population of the region, namely, the Chulym Turks. These boxes are designed for storing crushed tobacco or tobacco mixtures. Tobacco smoking known to be present in Europe since the late 16th century had become widespread in Russia by the early 17th century. According to scientific literature, the indigenous population of Siberia was largely introduced to tobacco in the 17th century (A.V. Shapovalov believes that this most probably took place in the period from the 1610s to the 1630s). The Chulym Turks are thought to have encountered tobacco and smoking accessories in the 17th century at the earliest, through the Selkups from the neighbouring Narym Ob region. From written ethnographic evidence it is known that by the 1770s the Chulym Turks had become familiar with smoking in great numbers. From the 18th to the 19th centuries, birch bark tobacco boxes started to appear in their everyday life and ritual practices and were most definitely part of female burial rites. The study presented in the article revealed that these Chulym Turks' tobacco boxes were all executed in a much similar style as far as their shape and design are concerned. The six tobacco boxes, ornamented with symbols of agriculture and fertility, were identified to be clearly of Russian origins. Thus, this set of Western Siberian artefacts constitutes a relic of 18–19th century Russian birch bark craftsmanship. The origins of the remaining two undecorated tobacco boxes are presumably Russian as well. Russian tobacco boxes such as these acted as objects of exchange between Russian merchants and the Chulym Turks.

Keywords: tobacco consumption, tobacco boxes, 18–19th centuries, Western Siberia, taiga region of Chulym, Chulym Turks.

1. Введение

Реконструкция этнокультурных процессов на территории Сибири, происходивших после ее присоединения с конца XVI в. к Русскому государству, основана на исследовании письменных и вещественных источников. Материалы археологии в изучении ряда сюжетов истории и культуры аборигенов Сибири становятся подчас приоритетными, включая проблему о культуре потребления табака. Успех ее разработки во многом сопряжен с подробными исследованиями по отдельным сибирским ареалам, среди которых и таежное Причумылье – узловым историко-культурный регион Западной Сибири, ее юго-восточная периферия.

Из археологических памятников XVII–XIX вв. таежного Причумылья (бассейн р. Чулым – правый приток р. Обь в ее среднем течении) происходит немногочисленная (14 экз.), но чрезвычайно информативная серия артефактов, связанных с употреблением табака: трубки и табакерки. Курительные трубки (6 экз.; см. Рис. 1, 4) из памятников XVII–XIX вв. (Балагачевский курганный

* Corresponding author

E-mail addresses: bob@mail.tsu.ru (O.B. Belikova)

могильник и Нижнекурьянское кладбище Ясашная Гора) проанализированы и опубликованы ранее (Беликова, Зинченко, 2012). Настоящая статья нацелена на введение в научный оборот материалов о берестяных табакерках из археологических памятников чулымских тюрков XVIII–XIX вв. (Рис. 2–9), их анализ и культурно-историческую интерпретацию.

Чулымские тюрки – один из коренных малочисленных народов Сибири, их предки проживали в бассейне Чулыма от его нижнего до верхнего течения. В качестве самоназвания чулымцы употребляли описательный термин «пестын кижилер», «бестэн кижжи» и др. (буквально: «наши люди», «свои»). Русское население называло их «ясашные», иногда этим прозвищем как этническим определением пользовались и сами чулымские тюрки (Тюрки, 1991: 4–5 и др.).

2. Материалы и методы

Источниковой основой по теме статьи явилась археологическая коллекция берестяных табакерок (8 экз.; Рис. 2–9) из таежного Причулымья. Они происходят из двух могильников чулымских тюрков XVIII–XIX вв., документальные названия которых – Нижнекурьянское кладбище Ясашная Гора (сокращенно НКЯГ) и Бихтулинское кладбище «ясашных». Объекты расположены снизу вверх по руслу Чулыма, на расстоянии около 200 км. Табакерки из более ранних памятников таежного Причулымья, т.е. до XVIII в., автору данной статьи неизвестны. Коллекция табакерок сформирована по материалам экспедиционных работ томских исследователей периода 1948–1984 гг. и хранится в Музее археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (МАЭС ТГУ). Привлечены также научные публикации по истории, археологии, этнографии и архивные документы: полевые дневники, камеральные описи коллекций и рукопись кандидатской диссертации Е.М. Пеняева о чулымских тюрках (Пеняев, 1953), незащищенной из-за его преждевременной кончины.

В коллекции Нижнекурьянского кладбища Ясашная Гора хранится 7 табакерок (Рис. 2–7), все они публикуются впервые. Этот грунтовой могильник XVIII–XIX вв. расположен на левобережье нижнего течения Чулыма в 2,5 км к северо-востоку от д. Нижняя Курья (Асиновский район Томской области) (Дульзон, 1953: рис. 5; Дульзон, 1956: 159; Ким, 1971: 43 и др.). Возможности анализа и интерпретации материалов памятника (включая табакерки) из раскопок 1948–1949 гг., проводимых под руководством антрополога ТГУ Н.С. Розова (Опись, 1948; Описи, 1949; Розов, 1956: 341), существенно обеднены из-за отсутствия полевой документации. Работы конца 1940-х гг. на данном палеоэтнографическом объекте были нацелены, прежде всего, на получение объемного остеологического материала (преимущественно краниального), и осуществлялись они без соблюдения требований при ведении археологических раскопок (Беликова, Зинченко, 2012: 95). Неясно даже, насколько полно собирался инвентарь (см. Рис. 1) из погребений. Обнаруженные тогда в могильнике табакерки (6 экз.; Рис. 2–7) и другие артефакты еще на этапе раскопок не были «привязаны» к какому-либо погребению (раскопано не менее 71 могилы). Идентифицирован только год нахождения этих табакерок: 1948 г. (2 ед.; Рис. 3–4; кол. 6710 МАЭС ТГУ) и 1949 г. (4 ед.; Рис. 2, 5–6; кол. 6714 МАЭС ТГУ), т.е. археологический контекст их обнаружения безвозвратно утерян. Он известен лишь для той табакерки из Нижнекурьянского кладбища (Рис. 7), которую позже, в 1971 г., выявил другой томский антрополог – А.Р. Ким (Ким, 1971: 42–46).

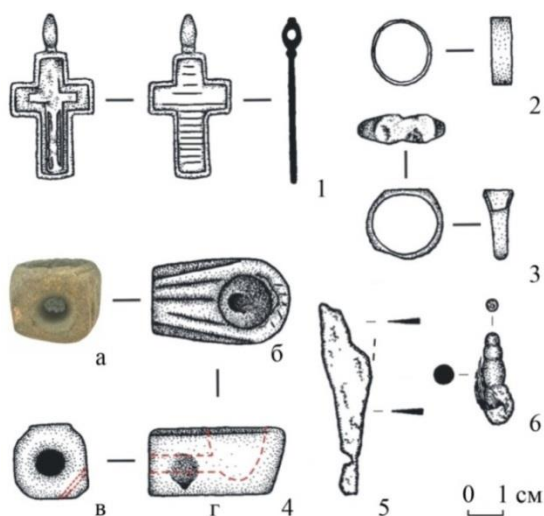

Рис. 1. Предметный комплекс Нижнекурьянского кладбища Ясашная Гора
Раскопки Н.С. Розова 1948 г.: 1 – нательный крест; 2 – кольцо; 3 – перстень; 4 – головка курительной трубки; 5 – наконечник стрелы; 6 – пронизка (?). Фонды МАЭС ТГУ, кол. 6710/456–464. 1–3, 6 – цветной металл, 4 – песчаник, 5 – железо

В Бихтулинском кладбище «ясашных» найдена 1 табакерка (Рис. 8–9). Этот грунтовый могильник чулымских тюрков XVIII–XIX вв. находится на правом берегу среднего течения Чулыма рядом с бывшей д. Бихтулино (Первомайский район Томской области). Антропологической экспедицией В.А. Дремова 1984 г. на памятнике, тогда большей частью обвалившегося в реку, раскопано 13 могил, включая могилу 1 с табакеркой (Дремов и др., 1984: 77, 81–85; Тюрки, 1991: 167).

В работе использован общий метод научного исследования – исторический, предполагающий рассмотрение всякого явления в его развитии. Применены методы археологического исследования – описательный, классификационный, сравнительно-типологический, а также семантический.

3. Обсуждение

В конце XV в. испанцы, спутники Христофора Колумба, впервые узнали о традиции потребления табака на американском континенте. Табакокурение распространилось в Европе с самого конца XVI в., а немного позже – в Азии (Волков, 1999: 226–228 и др.). Массовое потребление табака европейцами А.В. Шаповалов относит к 1570 г. (Шаповалов: 2002: 20). В России табакокурение распространяется с начала XVII в.

Проникновение табака в коренное население Сибири исследователи определяют XVII в. (Антропова, 1995: 235; Харинский, 1995: 210; Шаповалов, 2002: 6, 15, 17, 202 и др.). Как конкретизирует А.В. Шаповалов, это произошло, скорее всего, в 1610–1630-е гг., но устойчивой традиция потребления табака в Сибири становится только в XVIII в. К западносибирским аборигенам табак («китайский шар») и курительные трубки «бухарского типа» попали от бухарских купцов во второй половине XVII в. (Шаповалов, 2002: 6, 15, 17, 34, 202–203). Анализируя материалы о потреблении табака у коренных народов Северо-Восточной Сибири и Аляски (чукчи, коряки, ительмены, алеуты и др.), Ю.А. Купина считает, что «с табаком народы Сибири познакомились раньше, чем этот регион начали осваивать русские» (Купина, 1995: 90).

В XVII–XVIII вв. в Сибири традиционно потребляли китайский табак (Шаповалов, 2002: 203; Георги, 2007: 253 и др.). Селькупы в XVII в. выращивали свой табак (Шаповалов, 2002: 32). В XVIII в. в Сибири также использовали местный «русский» табак, т.е. культивированный в Тобольске, Ишиме, Туринске выходцами из России (Купина, 1995: 90). С первой половины XVIII в. начинают ввозить крепкий «черкесский табак» (Шаповалов, 2002: 203). Его выращивали на юге России и «стали завозить в Сибирь по мере ее освоения русскими» (Купина, 1995: 90–91).

Вопрос о табакокурении в таежном Причумылье впервые затронул А.П. Дульзон, отметивший наличие каменных головок курительных трубок в Балагачевском курганном могильнике и Нижнекурьянском кладбище Ясашная Гора чулымских тюрков XVII–XIX вв. (Дульзон, 1953: 146). Обобщающие работы, связанные с историей потребления ими табака, отсутствуют. Одной из причин этого является, как сожалела Э.Л. Львова, вынужденное отсутствие в ее этнографических экспедициях 1969–1980 гг. к чулымским тюркам программы по сбору соответствующего материала (устное сообщение).

Сегодня археологические источники не позволяют говорить о появлении на территории таежного Причумылья табака и культуры табакокурения ранее XVII в. Самая ранняя находка головки курительной трубки (бухарский тип, каменная) выявлена здесь в Балагачевском курганном могильнике – в комплексе XVII в. (возможно, около середины XVII в.) (Беликова, Зинченко, 2012: 95, 103). Статистические данные о находках головок трубок бухарского типа в таежном Причумылье и на соседних территориях свидетельствуют о знакомстве чулымских тюрков в XVII в. с табаком и бухарскими трубками через селькупов соседнего Нарымского Приобья (Шаповалов, 2002: 56; Беликова, Зинченко, 2012: 103).

Вопрос о происхождении сибирских табакерок с высокими стенками, овальных или линзовидных в сечении (что аналогично для всей чулымской серии) дискуссионен. Ю.А. Купина предположительно связывает их с традицией ношения на поясе лаковых табакерок, зародившейся в Японии в XVIII в. Они использовались в товарообмене с народами Сахалина и северо-востока Сибири. Недостаток объема «импорта табакерок японского образца» привел к воспроизводству в культурах сибирских народов столь престижных вещей (Купина, 1995: 100–101). По мнению же А.В. Шаповалова, табакерки вместе с модой нюхания табака появились в европейской части России в XVIII в., откуда стремительно под влиянием русских распространились на большей части сибирских территорий (Шаповалов, 2007: 171–172, 175–176). Одним из первых широкое распространение в Сибири русских берестяных табакерок отметил С.В. Иванов (Иванов, 1954: 539). Берестяные табакерки чулымских тюрков ранее не являлись предметом специальных и сравнительных научных исследований, как и их берестяная утварь в целом.

4. Результаты

Собрание табакерок чулымских тюрков XVIII–XIX вв. позволяет реконструировать некоторые особенности их бытовых, обрядовых, мировоззренческих традиций, а также контактов с внешним миром. Табакерки имели, прежде всего, утилитарное значение – использовались как емкость для хранения измельченного табака или табачной смеси. Само их присутствие в памятниках XVIII–XIX вв. дополнительно аргументирует факт употребления табака в таежном Причумылье, который

ранее археологически установлен на основе находок головок курительных трубок (см. Рис. 1, 4) из могильников XVII–XIX вв. (Дульзон, 1953: 271, табл. VII, 6; Шаповалов, 2002: 56; Беликова, Зинченко, 2012). Чулымские тюрки, начав потреблять табак в XVII в. (Беликова, Зинченко, 2012: 95, 103), были приобщены ко времени не позже 1770-х гг. к табакокурению уже массово. Веские и однозначные доказательства этому содержатся в этнографических наблюдениях пределов 1772–1774 гг. И.Г. Георги, который под чулымскими тюрками понимал тюркоязычное население между Верхней Обью и Енисеем (т.е. собственно чулымских тюрков, абаканских татар, тюрков Оби): «Курительный табак употребляют все вообще» (Георги, 2007: 253).

Надо полагать, что цены на любой табак для коренного населения таежного Причумылья XVII–XIX вв. были достаточно высоки. При нехватке или даже полном отсутствии табака для курения его могли заменять порошкообразным средством из каких-либо местных растений, в том числе из корневища айра (о нем см. ниже). О достаточно обширных флористических знаниях у населения таежного Причумылья позволяют предполагать несколько надежных разновидовых источников.

К примеру, группа растений в употреблении чулымских татар второй половины XVIII в. отмечена письменным свидетельством (Георги, 2007: 252). Чрезвычайно информативен уникальный археоботанический объект рукотворного (!) происхождения из погребения Зырянского могильника конца XVI–XVII вв. Он представлен скоплением семян и растительных остатков объемом около 3 л, в котором до вида, рода, редко до семейства определено 50 растений (Беликова, 2010: 270–348). Известно, что селькупы, соседи чулымских тюрков, потребляли табак в виде его смеси с пережженной чагой (березовый гриб – нарост). Изучение вопроса о конкретном составе компонентов, которым чулымские тюрки полностью или частично подменяли табак, к сожалению, сегодня невозможно: при раскопках содержимое всех анализируемых табакерок не было взято на коллекционное хранение.

Традиция потребления табака у чулымских тюрков не ограничивалась курением. На основе отмеченных наблюдений И.Г. Георги можно предполагать и иной способ – жевание, во всяком случае, со второй половины XVIII в. Он сообщает, правда, о практике жевания не табака, а местного растения, применяя при этом его русское народное название: «Ировое коренье (Asogus Calamus, L.) жуют они так, как индийцы бетель» (Георги, 2007: 253). Приводя для сравнения бетель (вечнозеленое многолетнее растение рода «перец»), И.П. Георги, вероятно, хотел отметить его тонизирующий или наркотический эффект. Современное наименование «ирового коренья» – айр обыкновенный, или айр болотный, из семейства ароидных. Чулымским тюркам это многолетнее травянистое растение с толстым корневищем, имеющим сильный ароматный запах (напоминает запах корицы, мандарина) и пряно-горьковатый вкус, очевидно, было известно хорошо, так как таежное Причумылье входит в ареал его произрастания. Они могли жевать приготовленный соответствующим образом айр не только как самостоятельное средство, но и в качестве замены жевательному табаку при его отсутствии. О практике нюхания табака чулымскими тюрками XVII–XIX вв., а также о предпочтении определенного способа его потребления говорить не приходится из-за отсутствия конкретных данных.

Культурно-исторические выводы получены также по результатам синтаксического исследования чулымских табакерок XVII–XIX вв., нацеленного на определение их качественных и количественных характеристик. Некоторые из них из-за неудовлетворительной сохранности артефактов представлены реконструктивно. Все табакерки имеют форму овального (линзовидного) цилиндра. Внешние размеры стенок разные: длина от 6,5 до 10,5 см, ширина от 2,5 до 4,3 см, высота от 3,7 до 6,0 см (Рис. 2–9). Ширина внутреннего пространства удобна для забора табака одним-двумя пальцами. Овальные дно и крышка, несохранившиеся у всех изделий, реконструированы как деревянные, что характерно для табакерок сибирских аборигенов (ханты, манси, долганы, шорцы, забайкальские буряты) (Лукина, 1985: 245–246; Локтионова, 2017: № 91 и др.). В чулымских табакерках не сохранились и крепежные детали для соединения стенок с дном, но у шести из них по низу стенок есть круглые или удлинённые отверстия (Рис. 2–4, 7–9) – следы от металлических гвоздиков или деревянных шпеньков. У двух табакерок (Рис. 5–6) такие следы не сохранились или их не было изначально (возможно, дно только вставлялось в контур распаренной берестяной стенки и ею же после высыхания удерживалось).

Отсутствие в литературе подробных сведений о табакерках чулымских тюрков XVIII–XIX вв., бесспорная индивидуальность публикуемых экземпляров, особенно узорчатых, обусловили целесообразность достаточно подробного их описания и визуализации. В двух возможных случаях показан археологический контекст обнаружения. Определения сторон табакерки как лицевой и тыльной условны – использованы для удобства описания декора. Нумерация артефактов дана по порядку перечисления памятников.

Табакерка 1 (НКЯГ: кол. 6714/1107; Рис. 2, 1). Размер (здесь и далее в аналогичных случаях приведены внешние параметры по внешней стенке): 6,5 см (длина) x 2,8 см (ширина) x 3,7 см (высота). Внешняя и внутренняя стенки (слои) разъемные. Внешняя соединяется по срединной части одной из плоских сторон замковым креплением – в виде ряда из 4–5 ед. прямоугольных скреп (флажков), присутствующих по каждому краю стенки (Рис. 2, 1б). При этом рождается технологический декор в виде зубчатой линии (аналогично для всех описанных ниже табакерок 2–8). Намеренно же орнамент не наносился.

Табакерка 2 (НКЯГ: кол. 6714/1115; Рис. 2, 2). Размер: 10,5 х 4,3 х 6,0 см. По конструкции изделие аналогично табакерке 1, только количество скреп-флажков по каждому краю стенки – 5–6 ед. Без орнамента.

Рис. 2. Нижнекурьинское кладбище Ясашная Гора. Раскопки Н.С. Розова 1949 г. Фонды МАЭС ТГУ: 1 – кол. 6714/1107 (табакерка 1); 2 – кол. 6714/1115 (табакерка 2)

Табакерка 3 (НКЯГ: кол. 6710/462; Рис. 3). Размер (реконструктивно): около 9,0 x 2,8 x 5,5 см. Внешняя и внутренняя стенки разъемные. Первая – с замковым соединением (в виде треугольных флажков, 4–5 ед. по каждому краю стенки) вдоль одной из боковых сторон (рис. 3, з).

Геометрический орнамент выполнен в технике прочерчивания (резной) и тиснения. На обеих сторонах коробки он однообразен и содержит единственный мотив – разной длины «лесенку» (резная полоса с поперечными мелкими подтреугольными оттисками). Прямоугольную лицевую (Рис. 3, в) и тыльную (Рис. 3, б, д) композиции держат диагональные «лесенки». Перекрещиваясь, они на каждой стороне создают по четыре фоновых треугольника, т.е. всего их в декоре табакерки – восемь. В лицевой композиции короткие «лесенки» соединены в две розетки (нижняя – с шестью лучами явно, верхняя – предположительно) (Рис. 3, в), напоминающие солярные знаки. «Лесенкой» выполнено и рамчатое окаймление прямоугольника обеих композиций, заполненных опять же «лесенкой» различного направления.

Прямоугольник, «заштрихованный прямыми и косыми линиями», в русской и славянской орнаментике соотносится с прямоугольным вспаханым полем (Рыбаков, 1997: 328–329). Восемь отмеченных треугольников с линейно-точечным заполнением ассоциируются уже с засеянной пашней. Единство и цельность декора табакерки 3 определяется присутствием земледельческих и, вероятно, небесных символов.

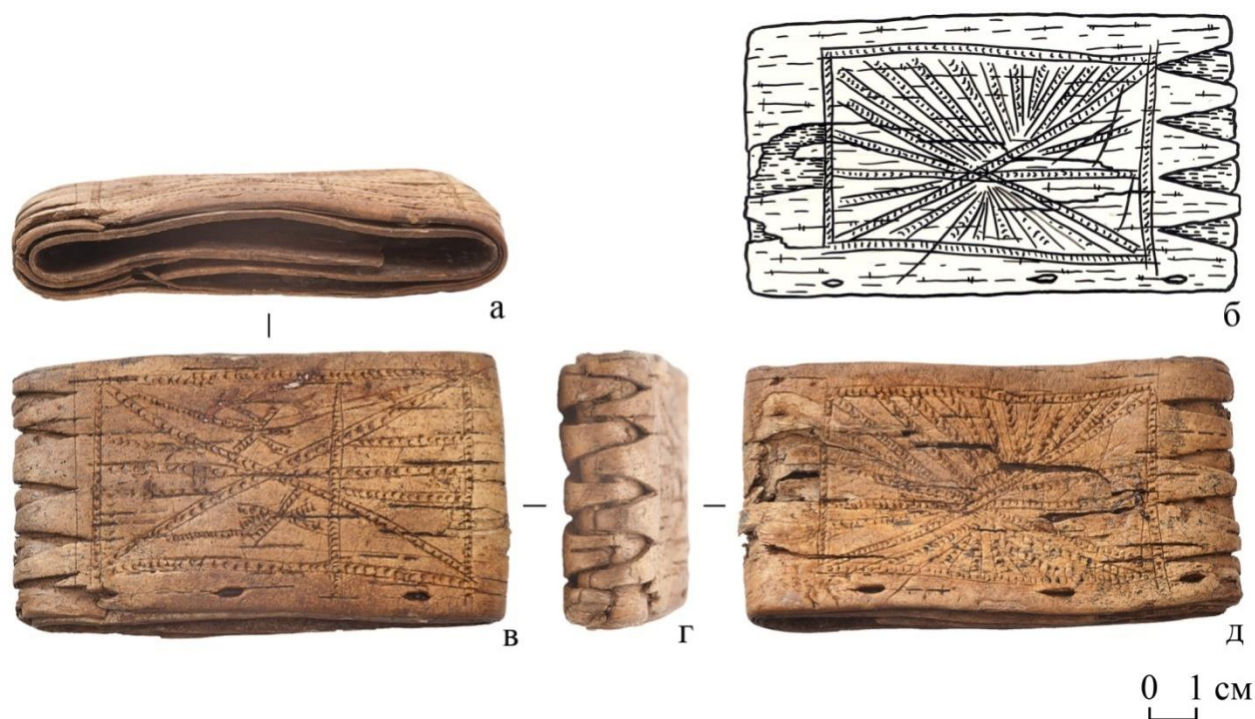

Рис. 3. Нижнекурьинское кладбище Ясашная Гора. Раскопки Н.С. Розова 1948 г. Фонды МАЭС ТГУ: кол. 6710/462 (табакерка 3)

Табакерка 4 (НКЯГ: кол. 6710/461; Рис. 4). Верхняя часть отсутствует. Размер (реконструктивно): около 8,0 x 2,8 x 4,3 см. Внешняя и внутренняя стенки разъемные. Внешняя имеет замковое соединение (в виде изящных прямоугольных флажков, реконструктивно – приблизительно по 8–9 ед.) вдоль одного бока, а вдоль другого – лишь имитацию (!) такого крепления. Орнамент исполнен прочерчиванием и тиснением. Тематически он определяется как геометрический, растительный и, возможно, включающий изображения предметов материальной культуры.

Каркасом прямоугольной лицевой композиции (Рис. 4, а, в) являются два ромба (меньший прочерчен в большем) из «лесенки», аналогичной для табакерки 3. Меньший ромб, вероятно, перекрещивался «лесенками» по диагонали. Ею выделены и нижние углы композиции. Они и остальное поле декора (сохранившееся) заполнены изображениями удлиненных листьев с приостренным окончанием, в том числе собранных в трехлистники. Рамка этой композиции оформлена двумя параллельными линиями.

Прямоугольник тыльной композиции (Рис. 4, б) перекрещивают диагонально две полосы, образуя, как на табакерке 3, четыре фоновых треугольника. Понизу композиции «лесенкой» отображена фигура с роговидными концами (похожа на скобковидное кресало). Аналогичная располагалась, возможно, и поверху (соответствующая часть табакерки отсутствует), но уже зеркально. Вдоль правой стороны прочерчено изображение, похожее на калачевидное кресало. По всему полю композиции хаотично расположены двух- и трехлистники. А единственные два

шестилистника (солярные знаки) помещены строго справа и слева от центра, при этом левый заключен в круг. Тыльная композиция окаймлена «лесенкой».

Несмотря на физическую неполноту обеих композиций, сюжетно они оцениваются как взаимосвязанные. Декор насыщен знаками растительного мира, земледелия, плодородия, широко распространенными в русской и славянской орнаментике: листья, трехлистники, ромбы, треугольники. Изображенные с ними в комплексе два солярных знака могут символизировать небесные светила, путь Солнца по небосводу, смену дня и ночи и пр. (Рыбаков, 1997: 332 и др.).

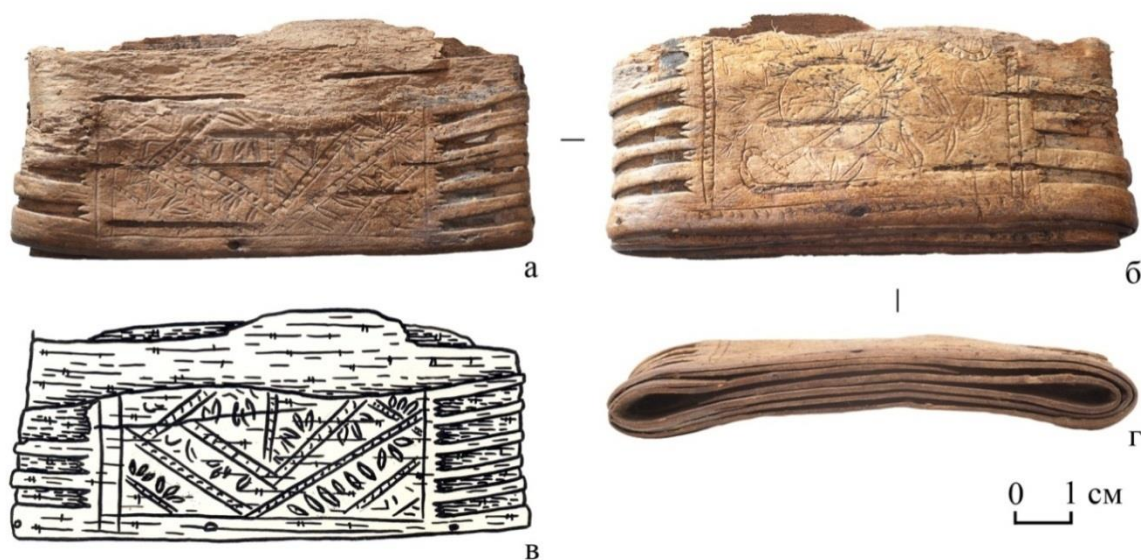

Рис. 4. Нижнекурьянское кладбище Ясашная Гора. Раскопки Н.С. Розова 1948 г. Фонды МАЭС ТГУ: кол. 6710/461 (табакерка 4)

Табакерка 5 (НКЯГ: кол. 6714/1108; Рис. 5). Часть этого высокохудожественного изделия отсутствует, еще часть – фрагментарна. Размер (реконструктивно): около 8,5 x 2,8 x 5,0 см. Внешняя и внутренняя стенки разъемные. Первая имеет по одному боку замковое соединение (в виде прямоугольных флажков, которых реконструктивно на каждом крае стенки – от 6 до 8 ед.) и по другому боку – его имитацию. Декор выполнен прочерчиванием.

На лицевой стороне коробки (Рис. 5, в) он реконструирован графически практически полностью. Композиционным центром здесь является изящное, хотя частью и условное, изображение птицы с двумя одинаковыми головами, направленными вправо и влево. Каждая – на длинной изогнутой шее, в короне, переданной зигзагом; показаны длинный уплощенный клюв, глаз (отмечен точкой), бугорчатый лоб. По головам птицы легко угадывается лебедь. Эта двуголовая царь-лебедь может символизировать и супружескую пару царственных лебедей. Распахнутые крылья орнитоморфа представлены «лунницей», заштрихованной вертикально (символика вспаханного поля в русском орнаменте).

Между лебедиными головами от шей прочерчен трехлистник. Выше их в верхних углах композиции изображено по одному полукругу (дугой вверх) с трехлистником внутри, которые в русской и славянской мифологии символизируют восходящее и заходящее Солнце (Рыбаков, 1988: 481 и др.). Их можно рассматривать как половину солярной розетки. Нижние углы композиции заполняет восьмилистник в круге (опять же знак Солнца в русской орнаментике) (Маслова, 1978: 166; Рындина, 1995: 526–527, 541–542 и др.). Слева от царь-лебеди нанесен крест, возможно, знак принадлежности к определенному хозяину (тамга), так как прорезан он иным инструментом, чем основной рисунок. Рамчатое окаймление прямоугольника лицевого декора выполнено из трех параллельных линий.

От тыльной композиции осталось, к сожалению, лишь около трети (Рис. 5, а). Понизу также изображена «лунница», но она уже заштрихована сеткой – символика пробороженного поля (Рыбаков, 1997: 65 и др.). Скорее всего, и над ней были прочерчены две лебединых головы. В нижних углах композиции размещены солярные знаки: слева – пустой круг, справа – круг с крестообразными пересечениями, символизирующие ход Солнца по небосводу (Рыбаков, 1997: 332; Рыбаков, 1988: 481–482 и др.). Фоном для обоих знаков являются полосы вертикальной штриховки (символика пашни).

Декор двух сторон табакерки 5 композиционно един и находит аналоги в славянской и русской мифологии. В ней, как и в мировой культуре, широко распространен образ лебедя, сюжеты о царственных лебедях, везущих по небу повозку, ладью или влекущих небесные светила и пр. В орнаментике русских хорошо известно изображение двуголовой птицы с растением между

головами (Маслова, 1978: 57–66, 163–164, рис. 27 и др.). Орнитоастральный код чулымской табакерки 5 дополнен знаками земледелия и плодородия.

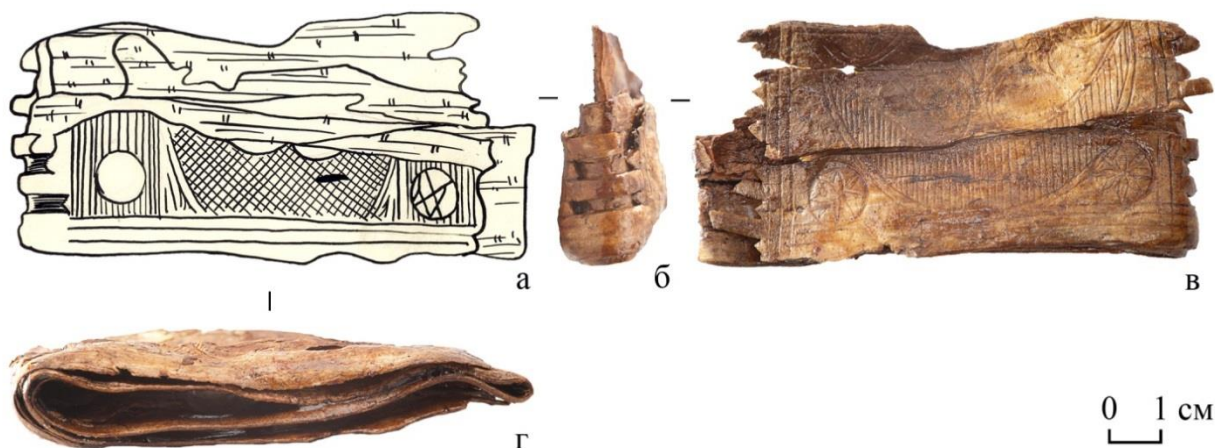

Рис. 5. Нижнекурьянское кладбище Ясашная Гора. Раскопки Н.С. Розова 1949 г. Фонды МАЭС ТГУ: кол. 6714/1108 (табакерка 5)

Табакерка 6 (НКЯГ: кол. 6714/1110; Рис. 6). Незначительная часть низа или верха изделия отсутствует. Размер (реконструктивно): около 6,5 x 3,2 x 4,0 см. Внешняя и внутренняя стенки разъемные. Первая состыковывается с помощью замкового крепления (в виде прямоугольных флажков, по 4–5 ед. вдоль краев стенки) вдоль одного бока, а вдоль другого бока оно имитировано. Орнамент исполнен прочерчиванием и тиснением. Геометрический декор на обеих сторонах коробочки однообразен и лаконичен: центральный прямоугольный участок свободен от орнамента, лишь все его углы обозначены треугольниками, возможно, так символично обозначена земля. За пределом центрального поля по периметру нанесен мотив «зигзаг» (из трех параллельных коротких линий) – символ воды (Рыбаков, 1988: 476–477; Рыбаков, 1988: 502 и др.). Композиции обеих сторон коробочки ограничиваются рамками из «лесенки» (резные полосы с поперечными мелкими подтреугольными отрисками).

Рис. 6. Нижнекурьянское кладбище Ясашная Гора. Раскопки Н.С. Розова 1949 г. Фонды МАЭС ТГУ: кол. 6714/1110 (табакерка 6)

Табакерка 7 (НКЯГ: могила из раскопок 1971 г.; Рис. 7). Размер (реконструктивно): около 9,0 x 2,8 x 4,5 см. Внешняя и внутренняя стенки разъемные. Первая стыкуется в замковое соединение (в виде прямоугольных флажков, по 6–7 ед.) по одному боку, по другому боку такое крепление имитировано. Декор исполнен искусной ажурной резьбой (на фоне нижнего зачерненного слоя бересты), дополненной тиснением.

Нижняя часть лицевой композиции (Рис. 7, в, г) не сохранилась. Но в ней явно доминировал решетчатый (шашечный) ромб с точечными вдавлениями, аналогичный ромбо-точечным

композициям в орнаментике русских и славян, – символика земли, засеянной пашни, плодородия (Рыбаков, 1997: 55–67; Рыбаков, 1988: рис. 99 и др.). Иллюзию дальнего плана для ромба создает заполнение верхней части композиции – вертикальные полосы, ассоциирующиеся с водой, дождем (Рыбаков, 1988: 502).

В узоре тыльной стороны (Рис. 7, а) композиционно доминируют два решетчатых (шашечных) треугольника с оттянутыми вершинами, соединяющимися перемычкой. Вся их поверхность опять же заполнена точечными элементами (символика засеянной пашни и пр.). Условный фон сверху и внизу от этих сросшихся треугольников (частично поврежден) также выполнен вертикальными полосами, аналогичными отмеченным в лицевой композиции.

Декоры обеих сторон изделия составляют единую мифологическую картину: представлена засеянная пашня, омываемая водой. Знаки земледелия, плодородия, а также мужского (ромб) и женского (треугольники) начал находят смысловые параллели в культуре русских и славян.

Для этой табакерки известен контекст нахождения (Ким, 1971: 42–46). Исследованная *in situ* могила глубиной около 1 м была ориентирована по линии юго-запад. Женщину зрелого возраста (от 40 до 55–60 лет) (Дремов, Ким, 1979: 55) захоронили в деревянно-берестяном погребальном сооружении. Его конструкция: продольные стенки из бревен уложены на берестяную подстилку (?) и в нескольких местах прибиты к ней четырехгранными большими железными гвоздями; прослежено берестяное перекрытие. Положение умершей: на спине, правая рука на груди, левая – вдоль тела, головой ориентирована на юго-запад. Инвентарь (стеклянные бусы; православный медный крест; одно кольцо, видимо, медное, обнаружено на костях правой кисти, другое – у левой ключицы (Ким, 1971: 46). Табакерка найдена у правой плечевой кости.

Рис. 7. Нижнекурьянское кладбище Ясашная Гора. Раскопки А.Р. Кима 1971 г. Фонды МАЭС ТГУ (табакерка 7)

Табакерка 8 (Бихтулинское кладбище «ясашных»: могила 1, раскопки 1984 г.; Рис. 8–9). Размер (реконструктивно): около 10,0 x 2,5 x 5,0 см. Внешняя и внутренняя стенки разъемные. Внешняя соединяется замковым креплением (в виде прямоугольных флажков, из 5–6 ед. по каждому краю) по одной боковой стороне, по другой оно имитировано. Орнамент выполнен в технике прочерчивания. В анализируемой чулымской выборке он более всего насыщен различными элементами и мотивами, создающими сложную мифологическую картину.

В декоре лицевой стороны (Рис. 8, а; Рис. 9, а) присутствуют:

– по вертикальной оси – изображение колоса на фоне подовальной фигуры (напоминает раковину каури – символ женского начала, плодородия) с горизонтальной штриховкой (символ пашни);

– в верхней части, справа и слева от колоса, – два наклонных, вероятно, дерева (конфигурацией каждое изображение похоже на борону-суковатку);

– в нижней части, справа и слева от колоса, – по два трехлистника и по два изображения кукурузы (ботанические определения Н.В. Курбатской и В.И. Курбатского, сотрудников Гербария имени П.Н. Крылова ТГУ, которым я искренне благодарна), а также справа – знак в виде летящей птицы (?);

– по всем четырем угла композиции – треугольники, заштрихованные разнонаправленными параллельными линиями (символ пашни).

Лицевую композицию слева от колоса когда-то дополнили еще одним элементом – полукругом (тамга?), выполненным, как и весь декор табакерки, в технике прочерчивания, но явно иным инструментом, более тонким.

Тыльная композиция (Рис. 8, б; Рис. 9, б) включает:

– в центре – с роговидными концами две зеркальных фигуры (аналогичны изображенной на табакерке 4; Рис. 4, б), соединенные перемычкой с колосовидным орнаментом;

– по центральной вертикальной оси, снизу вверх – треугольник с сетчатой штриховкой (знак пашни) и изображение дерева, аналогичное отмеченной в лицевой композиции;

– по горизонтальной оси – вытянутые треугольники с сетчатой штриховкой (пашня);

– по правой и левой сторонам композиции, включая углы, – 6 трехлистников.

Прямоугольные композиции обеих сторон включают рамчатый абрис из трех линий. Декор взаимосвязан в единую космогоническую картину, созданную символами растительного мира, земледелия, плодородия, мужского и женского начал, мирового дерева и др.

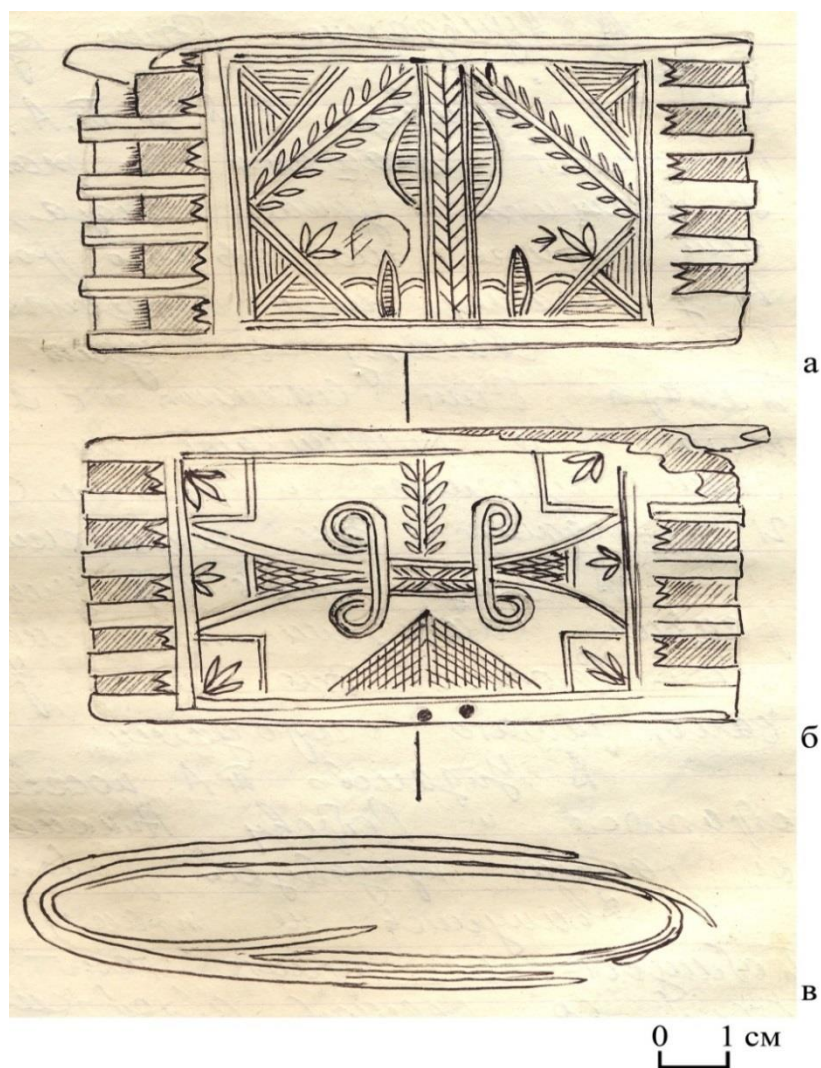

Рис. 8. Бихтулинское кладбище «яшанных».

Раскопки В.А. Дремова 1984 г.: могила 1. По: Дремов, 1984: 77 (табакерка 8)

Для табакерки 8 по данным полевого дневника В.А. Дремова воссоздан контекст обнаружения (Дремов, 1984: 81–114). В грунтовой яме могилы 1 глубиной 1,15 м располагалась деревянная колода (высота 0,3 м) с останками женщины около 30 лет (антропологическое определение М.П. Рыкун, сотрудника ТГУ). Правая рука умершей была размещена на груди, около шеи, левая – вытянута вдоль тела. В погребении обнаружено: между торцом колоды и черепом – тонкая восковая свечка; справа от черепа – табакерка (Рис. 8–9); в области шейных позвонков – несколько бусин из стеклянной пасты – одна янтарного цвета, остальные белые»; у левой плечевой кости – скорлупа куриного яйца; в области грудной клетки – шерстяной шнурок; вдоль всего костяка – остатки шерстяной домотканной одежды (Дремов и др., 1984: 77, 81–85). В ритуале этого захоронения отчетливы элементы православной погребальной обрядности: у чулымских тюрков христианство распространяется с начала XVIII в., а первая церковь на их территории сооружена в 1725 г.

Показательно, что наблюдавший за раскопками престарелый местный житель (1911 г.р.) д. Бихтулино при обнаружении «берестяной коробки с орнаментом» уверенно определил ее как «яшашную табакерку» (Дремов и др., 1984: 82, 84). Ее музейная судьба печальна: в 1993 г. при перемещении фондов МАЭС ТГУ этот предмет похитили. Благодаря скрупулезности В.А. Дремова, оставившего в дневнике подробный рисунок табакерки (Рис. 8), и ее случайной фотосъемке (Рис. 9) сегодня можно наглядно представить великолепный образец культуры чулымских тюрков XVIII–XIX вв.

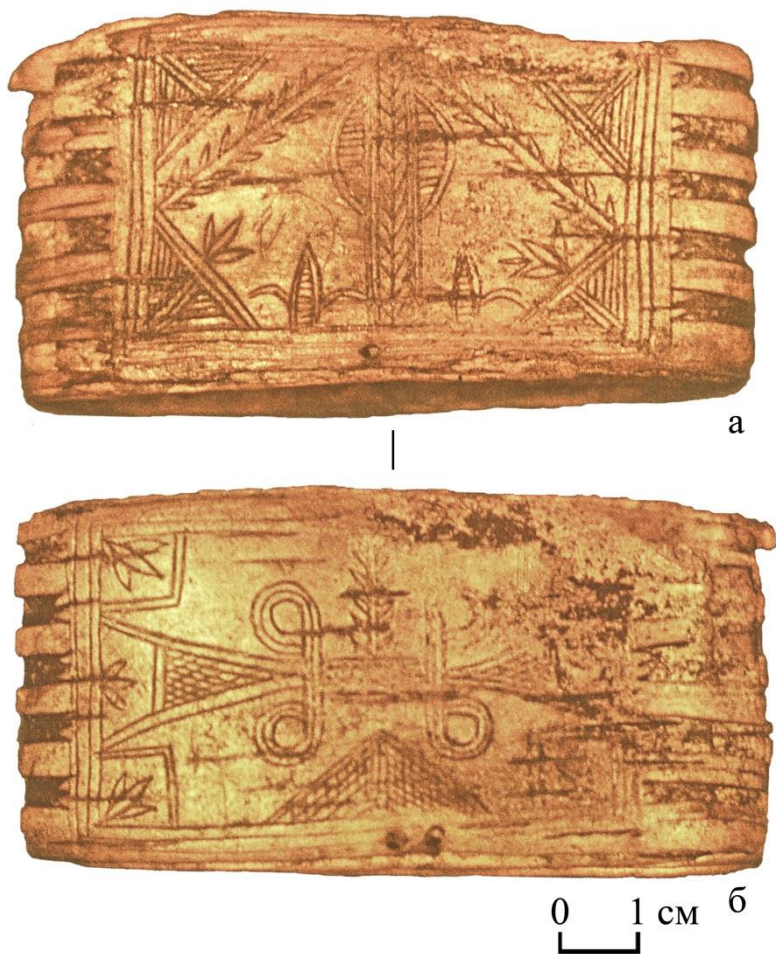

Рис. 9. Бихтулинское кладбище «яшашных». Раскопки В.А. Дремова 1984 г.: могила 1. Фотосъемка (1980-е гг.) и архив О.Б. Беликовой (табакерка 8)

Целостную характеристику и разнообразие табакерок из памятников XVIII–XIX вв. таежного Причулымья отражает их классификация на основе таких признаков: материал, форма, технологические особенности изготовления, наличие орнамента, способ его нанесения и характер.

Группа. Берестяные; 8 экз. (Рис. 2–9).

Разряд. Форма овального (линзовидного) цилиндра; 8 экз.

Раздел. Внешняя и внутренняя стенки (слои) разъемные; 8 экз.

Отдел 1. С одним замковым креплением внешней стенки – по боковой стороне или срединной части (в виде ряда прямоугольных или треугольных флажков – от 4–5 до 5–6 ед. по краям стенки); 3 экз.

Вид 1. Неорнаментированные; 2 экз. (НКЯГ: табакерки 1–2; Рис. 2).

Вид 2. Орнаментированная; 1 экз. (НКЯГ: табакерка 3; [Рис. 3](#)). Способы нанесения орнамента – прочерчивание (резной) и тиснение. Сложная геометрическая композиция.

Отдел 2. С одним замковым креплением внешней стенки по одной боковой стороне (в виде прямоугольных флажков – от 4–5 ед. до приблизительно 8–9 ед. по краям стенки) и его имитацией по другому боку; 5 экз.

Вид 1. Орнаментированные; 5 экз. (НКЯГ: табакерки 4–7, [Рис. 4–7](#); Бихтулинское кладбище: табакерка 8, [Рис. 8–9](#)). Способы нанесения орнамента – прочерчивание, тиснение, ажурная резьба на фоне нижнего зачерненного слоя бересты. Орнаментальные композиции – от простой геометрической до сложной сюжетной.

Сравнительный анализ выявил, к примеру, что в археологических комплексах второй половины XVIII – первой половины XIX вв. Тискинского курганного могильника, оставленного селькупам Нарымского Приобья (сопредельно к таежному Причулымью), среди 17 проклассифицированных табакерок встречено около 5 экз. в форме достаточно высокого овального (линзовидного) цилиндра, что аналогично всем рассмотренным чулымским артефактам. Но эти селькупские изделия имеют иное крепление внешней стенки: она или сшивалась или же соединялась «в замок» лишь одним флажком-скрепой, причем только треугольным ([Боброва, 2007: 61–66, Рис. 32, 1–2](#)).

Все чулымские табакерки XVIII–XIX вв. близки и третьей группе берестяных сосудов (ее составляют только табакерки) в классификации А.А. Локтионовой этнографических материалов южных селькупов Западной Сибири. Их форма – цилиндрическая с овальным дном, конструкция – «с деревянным дном с внутренней сшивной или склеенной стенкой, с внешней с “замковым креплением”» ([Локтионова, 2017: № 91](#)). Такие табакерки у селькупов встречаются редко, но широко распространены у восточной группы хантов ([Локтионова, 2014: 113; Локтионова, Боброва, 2018: 387](#)).

Табакерки восточных хантов (салымские, сургутские, васюганско-ваховские) XIX–XX вв. выделены Н.В. Лукиной в особый, третий тип берестяной утвари, с которым связан и определенный тип орнаментации – отгиски штампом, прочерчивание кончиком ножа ([Лукина, 1985: 69, 245–246, Рис. 27, 5](#)). У хантыйских табакерок (овальной формы) второй половины XIX – первой половины XX в. края стенки крепились в «замок» флажкообразной формы ([Федорова, 1994: 86; Рындина, 2002: 189–196](#)), что аналогично для всей чулымской коллекции. Однако хантыйский «замок», в отличие от чулымского, чаще состоял из двух язычков-скреп. В декоре ([Рындина, 2002: 189–196, рис. 7–13](#) и др.) сходство отсутствует. По обобщению О.М. Рындиной, для хантыйских табакерок характерна сплошная орнаментация стенок, а в целом они «соответствуют типу, широко распространенному у других народов Сибири» ([Рындина, 2013: 68, 69, Рис. 1](#)).

Примеры сравнения археологической коллекции табакерок чулымских тюрков XVIII–XIX вв. с материалами народов Сибири можно приводить и далее, но они в целом соответствуют следующим положениям.

Основное сходство проявляется в форме табакерок (цилиндрическая овальная) и в способе крепления ее разъемной внешней стенки – в «замок» – у селькупов, хантов, манси, якутов и др. Но налицо существенное отличие конструкции: этот «замок» у анализируемых чулымских изделий выполнен из цепи (!) флажков-скреп – от 4–5 ед. до 8–9 ед. (причем в большинстве своем – прямоугольных), а не из 1–2 ед., как у большинства сравниваемых образцов. Наиболее же близкие аналоги для табакерок чулымских тюрков XVIII–XIX вв., но только по форме и конструкции, отмечены в их этнографии середины XX в. ([Пеняев, 1953: 265–266, рис. 62, 4](#)). И, наконец, в сравнении с сибирскими материалами очевидны два отличительных признака рассматриваемых табакерок чулымских тюрков XVIII–XIX вв.:

- только на них отмечена декоративная имитация (псевдокрепление) соединения краев внешней стенки (табакерки 4–8; отдел 2) ([Рис. 4–9](#));
- аналоги их декору ([Рис. 3–9](#)) не выявлены.

Очевидное стилистическое единство орнамента табакерок 3–8 ([Рис. 3–9](#)) проявляется в прямоугловности композиций и их рамчатом оформлении, в наличие целого комплекса элементов, мотивов и сюжетов, аналоги которых многочисленны в русской и славянской культуре. Ограниченность объема статьи не позволила подробно изложить мифологическое прочтение чулымских узорных композиций, удивительно своеобразных для Сибири. Семантически они прочтываются как наполненные знаками земледелия, растительного мира, плодородия, космоса, мирового дерева: поле (вспаханное, пробороженное, засеянное), листья, трехлистники, колосья, кукуруза, деревья, дождь-вода, знаки мужского и женского начал, солярные изображения, а также лебеди, влекущие небесное светило (повозку, ладью) и пр. Возможно, есть основание считать русским по происхождению и замковый способ скрепления внешней стенки всех восьми чулымских табакерок ([Рис. 2–9](#)). Оно исходит из мнения О.М. Рындиной относительно берестяной утвари сибиряков территории современной Томской области: «Русская традиция предполагала скрепление стенок у изделия “в замок”, при этом возникал технологический орнамент в виде волнистой или зубчатой линии» ([Рындина, 1995: 495](#)).

Табак и берестяные табакерки, в том числе с русской символикой, были включены в обрядовую практику чулымских тюрков XVIII–XIX вв. Возможности для смысловой интерпретации находок

анализируемых табакерок ограничены отсутствием для большинства из них сведений о контексте археологического обнаружения, особо значимого для реконструкции погребального обряда (его практической и мировоззренческой сторон). Он известен лишь для табакерки 7 (Рис. 7) и табакерки 8 (Рис. 8–9). Та и другая входили в погребальный инвентарь взрослых женщин (возраст соответственно 40–60 лет и около 30 лет). Коробочки во время похорон разместили справа от их тел, на уровне семантически наиболее значимой «верхней» части погребения: у плеча и у головы. Надо полагать, табакерка являлась личной вещью женщины в жизни и предназначалась ей для пользования в потустороннем мире.

Показательно, что в коллекции из могил (не менее 72 ед.) Нижнекурьянского кладбища Ясашная Гора XVIII–XIX вв. присутствует всего 12 экз. принадлежностей для потребления табака: 7 берестяных табакерок (Рис. 2–7) и 5 каменных (песчаник) головок курительных трубок (Беликова, Зинченко, 2012) (см. Рис. 1, 4). При самых грубых подсчетах, обусловленных характером археологического источника (см. выше), таким инвентарем было обеспечено 10–16 % погребенных в этом могильнике. И это без учета возможного сопровождения теми аксессуарами, которые раскопками не зафиксированы: деревянные курительные трубки, кисеты из ткани, кожи и пр. В любом случае снабжение умерших предметами, связанными с потреблением табака, включая табакерки, является существенным признаком погребального ритуала чулымских тюрков XVIII–XIX вв. Косвенно об этом свидетельствует и наблюдение И.П. Георги 1770-х гг. о всеобщности употребления чулымскими тюрками курительного табака (Георги, 2007: 253).

Обычай обеспечивать умершего принадлежностями для потребления табака сохранился у чулымских тюрков и после XIX в. А.П. Дульзон по этнографическим наблюдениям на Чулыме (от д. Балагачево в его нижнем течении до д. Костино в среднем течении) отметил в середине XX в.: «Покойнику давали в колоду – раньше всегда, а сейчас уже редко – трубку, кисет с табаком, огниво, табакерку с нюхательным табаком...» (Дульзон, 1953: 191–192 и др.).

5. Заключение

Потребление табака у тюрков таежного Причулымья (юг Западной Сибири) началось в XVII в. (возможно, около середины века). Из письменных этнографических свидетельств известно, что к 1770-м гг. чулымские тюрки к табакокурению приобщились уже массово. В XVIII–XIX вв. в их повседневной и ритуальной практике появляются берестяные табакерки-коробочки, каковых сегодня по археологическим данным известно 8 экз. (Нижнекурьянское кладбище Ясашная Гора и Бихтулинское кладбище «ясашных») (Рис. 2–9). Они определенно были включены в погребальную обрядность женщин. Помимо курения табака чулымские тюрки употребляли его, по крайней мере, со второй половины XVIII в. и способом жевания, в том числе в смеси с какими-либо растительными остатками, включая, возможно, измельченное корневище аира.

Синтаксическое исследование и классифицирование берестяных табакерок чулымских тюрков XVIII–XIX вв. определяет их несомненное стилистическое единство. Оно выражается комплексом общих признаков: форма овально-цилиндрическая; конструкция – внешняя и внутренняя разъемная стенки, одно замковое крепление в виде ряда искусно сделанных флажков-скреп (от 4–5 до 8–9 ед.) преимущественно прямоугольной формы; символика декора.

Сравнительный анализ с материалами коренных народов Сибири выявил явное своеобразие и отсутствие аналогов к тем шести чулымским табакеркам XVIII–XIX вв., которые имеют декоративное псевдосоединение внешней стенки и совершенно оригинальные орнаментальные композиции (табакерки 3–8; отдел 1 вид 2 и отдел 2) (Рис. 3–9). Семантика элементов, мотивов, сюжетов орнамента указывает на изготовление этих табакерок русскими. Перед нами – реликт русского берестяного творчества XVIII–XIX вв., выявленный на юге Западной Сибири.

Проработанность этих табакерок в технологическом плане, стилистическое единообразие и сложность декора, а в целом – искусное исполнение изделий свидетельствует об их отлаженном производстве и богатых навыках мастеров. Один из них видел когда-то, как растет кукуруза (изображена на табакерке 8) (Рис. 8–9), т.е. был, возможно, выходцем из тех мест, где в XVIII–XIX вв. ее уже возращивали – на юге европейской России и на Украине. Полагаю, что эти русские табакерки (№ 3–8) являлись предметами товарообмена между чулымскими тюрками и русскими торговцами. Их декор, пропитанный символикой земледелия и плодородия, был созвучен с мировоззрением чулымских тюрков, в многокомпонентном комплексном хозяйстве которых присутствовало занятие земледелием. Развитая культура земледелия русских крестьян была привнесена в таежное Причулымье во второй половине XVII в. на уже сложившуюся земледельческую систему (Беликова, 2010: 228–269). Две неорнаментированных табакерки 1–2 чулымских тюрков (отдел 1, вид 1) (Рис. 2), которые по исполнению стыковочного шва стенки весьма схожи с русскими табакерками 3–8, также могли быть изготовлены русскими мастерами.

Логичен вопрос: где место производства рассмотренных табакерок чулымских тюрков XVIII–XIX вв.? Ответа пока нет. Они могли быть изготовлены русскими мастерами в Сибири (в одной из профессионально-этнографических групп русских) или на юге России и Украине. Не исключено, что появление у чулымских тюрков табакерок русского облика связано с поступлением к ним черкесского табака.

6. Благодарности

Статья написана в рамках научного проекта (№ 8.1.28.2018), выполненного при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

Литература

- Антропова, 1995** – Антропова В.В. Трубки народов Сибири. Подготовка к публикации, примечания Ю.А. Купиной // *Курьер Петровской Кунсткамеры*. 1995. Вып. 2–3. С. 235–251.
- Беликова, 2010** – Беликова О.Б. Зырянский могильник конца XVI–XVII в. таежного Причулымья в свете археологии и археоботаники: (Опыт комплексного исследования одного кургана). Томск: Издательство Томского университета, 2010. 432 с., 91 ил.
- Беликова, Зинченко, 2012** – Беликова О.Б., Зинченко А.С. Курительные аксессуары XVII–XIX вв. таежного Причулымья (Западная Сибирь): трубки // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2012. № 2 (17). С. 95–105.
- Боброва, 2007** – Боброва А.И. Селькупы XVIII–XIX вв. (по материалам Тискинского могильника). Томск: Издательство Томского университета, 2007. 176 с.
- Локтионова, Боброва, 2018** – Локтионова А.А., Боброва А.И. Технологические приемы изготовления и орнаментации берестяных изделий южных (нарымских) селькупов: этно-археологические параллели / Человек и Север: антропология, археология, экология. Материалы Всероссийской научной конференции, г. Тюмень, 2–6 апреля 2018 г. Тюмень, 2018. С. 387–389.
- Волков, 1999** – Волков И.В. Частная коллекция «турецких» курительных трубок из Москвы. Материальная культура Востока. М., 1999. С. 226–252.
- Георги, 2007** – Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповедований и других достопамятностей. СПб.: Русская Симфония, 2007. 808 с.
- Дремов и др., 1984** – Дремов В.А., Ким А.Р., Багашев А.Н. Антропологическая экспедиция Томского государственного университета летом 1984 года: Чулым, Средняя Обь, Горный Алтай: Полевые дневники. Кабинет антропологии ТГУ: архив. Дело без номера. 328 л.
- Дремов, Ким, 1979** – Дремов В.А., Ким А.Р. Краниологические коллекции Кабинета антропологии Томского университета. Томск: Издательство Томского университета, 1979. 119 с.
- Дульзон, 1953** – Дульзон А.П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар // *Ученые записки Томского государственного педагогического института*. Томск, 1953. Т. 10. С. 127–334.
- Дульзон, 1956** – Дульзон А.П. Археологические памятники Томской области (материалы к археологической карте Среднего Приобья) // *Труды Томского областного краеведческого музея*. Томск, 1956. Т. 5. С. 89–316.
- Иванов, 1954** – Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX вв. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1954. 839 с.
- Ким, 1971** – Ким А.Р. Антропологическая экспедиция Томского государственного университета, лето 1971 г.: Чулым, Хакасия // *Кабинет антропологии ТГУ: архив*. Дело без номера. 114 с., 26 с., 7 чертежей.
- Купина, 1995** – Купина Ю.А. Потребление табака у народов Северо-Восточной Сибири и Аляски: Этнокультурный аспект традиции // *Системные исследования взаимосвязи древних культур Сибири и Северной Америки: Духовная культура*. СПб., 1995. Вып. 2. С. 85–115.
- Локтионова, 2014** – Локтионова А.А. О способах классификации берестяной утвари народов Западной Сибири // *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2014. № 1 (3). С. 108–114.
- Локтионова, 2017** – Локтионова А.А. Берестяная утварь южных селькупов: каталог. Томск: Д-Принт, 2017. 256 с.
- Лукина, 1985** – Лукина Н.В. Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). Томск: Издательство Томского университета, 1985. 365 с.
- Маслова, 1978** – Маслова Г.С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М.: Наука, 1978. 208 с.
- МАЭС ТГУ** – Музей археологии и этнографии Сибири имени В.М. Флоринского Томского государственного университета.
- Опись, 1948** – Опись находок к полевому дневнику археологических раскопок на Нижнем Чулыме в июне–июле 1948 г. Археолого-антропологический отряд комплексной экспедиции Томского государственного университета: [Коллекция 6710. 1948]. *МАЭС ТГУ: архив*. Дело 110-1. № 456–464. Без указания листов.
- Описи, 1949** – Описи находок археологического отряда археолого-антропологической Чулымской экспедиции Томского государственного университета 1949 г. (Смолокуровский и Стрежинский сельсоветы Молчановского района Томской области): [Коллекция 6714. 1949]. *МАЭС ТГУ: архив*. Д. 117-2. № 1095–1117. Без указания листов.
- Пеняев, 1953** – Пеняев Е.М. Хозяйство чулымских татар (чулымцев) в XVII веке: Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. Томск, 1953. *МАЭС: архив*. Д. 306. Т. 1. 348 с.

- Розов, 1956** – Розов Н.С. Материалы по краниологии чулымцев и селькупов // *Антропологический сборник*. № 1. 1956. С. 340–373. (Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР: Новая серия; Т. 33).
- Рыбаков, 1988** – Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М.: Наука, 1988. 785 с.
- Рыбаков, 1997** – Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1997. 824 с.
- Рындина, 1995** – Рындина О.М. Орнамент. Томск: Издательство Томского университета, 1995. 640 с. (Очерки культурогенеза народов Западной Сибири; Т. 3).
- Рындина, 2002** – Рындина О.М. Мир вещный и мир вечный в погребальной обрядности хантов Салымского края // *Труды Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета*. Томск: Издательство Томского университета, 2002. Т. 1. С. 165–198.
- Рындина, 2013** – Рындина О.М. Берестяные табакерки хантов как мифологический текст. *Вестник Томского университета. История*. 2013. № 1 (21). С. 67–72.
- Тюрки, 1991** – Тюрки таежного Причулымья: Популяция и этнос. Э.Л. Львова, В.А. Дремов, Р.М. Бирюкович, Г.А. Аксянова, Г.Л. Хить, А.Н. Багашев. Томск: Издательство Томского университета, 1991. 246 с.
- Федорова, 1994** – Федорова Е.Г. Берестяная утварь народов Сибири. Конец XIX – первая половина XX вв. // *Памятники материальной культуры народов Сибири*. СПб.: Наука, 1994. С. 76–119.
- Харинский, 1995** – Харинский А.В. О появлении курительных трубок и табака в Прибайкалье // *Байкальская Сибирь в древности: Межвузовский сборник научных трудов*. Иркутск, 1995. С. 207–217.
- Шаповалов, 2002** – Шаповалов А.В. Очерки истории и культуры потребления табака в Сибири: XVII – первая половина XX в. Новосибирск: Прогресс-Сервис, 2002. 257 с.

References

- Antropova, 1995** – Antropova V.V. (1995). Trubki narodov Sibiri [Pipes of the peoples of Siberia]. Podgotovka k publikatsii, primechaniya Yu.A. Kupinoy. *Kur'er Petrovskoy Kunstkamery*, Issues 2–3. pp. 235–251. [in Russian]
- Belikova, 2010** – Belikova O.B. (2010). Zyryanskiy mogil'nik kontsa XVI–XVII vv. tayozhnogo Prichulyum'ya v svete arkheologii i arkheobotaniki: (Opyt kompleksnogo issledovaniya odnogo kurgana) [The 'Zyryanskiy' burial site dating to between the late sixteenth to the seventeenth centuries of the taiga Chulym region through the prism of archaeology and archeobotany (A comprehensive study of one mound)]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 432 p., 91 ill. [in Russian]
- Belikova, Zinchenko, 2012** – Belikova O.B., Zinchenko A.A. (2012). Kuritel'nye aksessuary XVII–XIX vv. tayozhnogo Prichulyum'ya (Zapadnaya Sibir'): trubki [17–19th century smoking accessories of the taiga region of Chulym (Western Siberia): pipes]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*. No. 2 (17). pp. 95–105. [in Russian]
- Bobrova, 2007** – Bobrova A.I. (2007). Sel'kupy XVIII–XIX vv. (po materialam Tiskinskogo mogil'nika) [The Selkups in the 18th to the 19th centuries (based on materials on the Tiskinskiy burial site)]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 176 p. [in Russian]
- Loktionova, Bobrova, 2018** – Loktionova A.A., Bobrova A.I. (2018). Tehnologicheskie priyomy izgotovleniya i ornamentatsii berestyanykh izdeliy yuzhnykh (narymskikh) sel'kupov: etno-arkheologicheskie paralleli [Technologies of producing and ornamenting birch bark objects used by the southern (Narym) Selkups: ethno-archeological parallels]. *Chelovek i Sever: antropologiya, arkheologiya, ekologiya. Materialy vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, g. Tyumen', 2–6 aprelya 2018 g. Tyumen'*, 2018. pp. 387–389. [in Russian]
- Volkov, 1999** – Volkov I.V. (1999). Chastnaya kolleksiya 'Turetskikh' kuritel'nykh trubok iz Moskvy [A private collection of 'Turkish' smoking pipes from Moscow]. *Material'naya kul'tura Vostoka*. M., pp. 226–252. [in Russian]
- Georgi, 2007** – Georgi I.G. (2007). Opisanie vsekh v Rossiyskom gosudarstve obitayushchikh narodov, ikh zhiteyskikh obryadov, obyknoveniy, odezhd, zhilishch, uprazhneniy, zabav, veroispovedaniy i drugikh dostopamyatnostey [A description of all the nationalities that inhabit the Russian State, of their rites, customs, clothing, dwellings, pastimes, beliefs, and other notable characteristics]. SPb.: Russkaya Simfoniya, 808 p. [in Russian]
- Dryomov et al., 1984** – Dryomov V.A., Kim A.R., Bagashyov A.N. (1984). Antropologicheskaya ekspeditsiya Tomskogo gosudarstvennogo universiteta letom 1984 goda: Chulym, Srednyaya Ob, Gornyy Altay: Polevye dnevniki [An anthropological expedition of the Tomsk State University in the summer of 1984: Chulym, the Middle Ob, and Gornyy Altai: field diaries]. *Kabinet antropologii TGU: arkhiv. Delo bez nomera*. 328 sheets. [in Russian]
- Dryomov, Kim, 1979** – Dryomov V.A., Kim A.R. (1979). Kraniologicheskie kolleksii Kabineta antropologii Tomskogo universiteta [Craniological collections of the Tomsk University Anthropology Room]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. 119 p. [in Russian].
- Dulson, 1953** – Dulson A.P. (1953). Pozdnie arkheologicheskie pamyatniki Chulyuma i problema proiskhozhdeniya chulymskikh tatar [Late archaeological sites of Chulym and the genesis of the Chulym

- Tatars]. *Uchyonye zapiski Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. Tomsk, Vol. 10. pp. 127–334. [in Russian]
- Dulson, 1956** – *Dulson A.P.* (1956). Arkheologicheskie pamyatniki Tomskoy oblasti (materialy k arkheologicheskoy karte Srednego Priob'ya) [Archaeological sites of the region of Tomsk (materials for an archaeological map of the Middle Ob region)]. *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya*. Tomsk, Vol. 5. pp. 89–316. [in Russian]
- Ivanov, 1954** – *Ivanov S.V.* (1954). Materialy po izobrazitel'nomu iskusstvu narodov Sibiri XIX – nachala XX v. [Materials on the art of the peoples of Siberia in the 19th to the early 20th centuries] M.; L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 839 p. [in Russian]
- Kim, 1971** – *Kim A.R.* (1971). Antropologicheskaya ekspeditsiya Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, leto 1971 goda: Chulyum, Khakassia [An anthropological expedition of the Tomsk State University in the summer of 1971: Chulyum, Khakassia]. *Kabinet antropologii TGU: arkhiv. Delo bez nomera*. 114 p., 26 p, 7 drawings. [in Russian]
- Kupina, 1995** – *Kupina Yu.A.* (1995). Potreblenie tabaka u narodov Severo-Vostochnoy Sibiri i Alyaski: Etnokul'turnyy aspekt traditsii [Tobacco consumption in the peoples of North-Eastern Siberia and Alaska: an ethno-cultural aspect of the tradition]. *Sistemnye issledovaniya vzaimosvyazi drevnikh kul'tur Sibiri i Severnoy Ameriki: Dukhovnaya kul'tura*. SPb., Issue 2. pp. 85–115. [in Russian]
- Loktionova, 2014** – *Loktionova A.A.* (2014). O sposobakh klassifikatsii berestyanoy utvari narodov Zapadnoy Sibiri [On the methods of classifying everyday birch bark items of the peoples of Western Siberia]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy*. No. 1 (3). pp. 108–114. [in Russian]
- Loktionova, 2017** – *Loktionova A.A.* (2017). Berestyanaya utvar' yuzhnykh sel'kupov: katalog [Everyday birch bark items of the southern Selkups: a catalogue]. Tomsk: D-Print, 2017. 256 p. [in Russian]
- Lukina, 1985** – *Lukina N.V.* (1985). Formirovanie material'noy kul'tury khantov (vostochnaya gruppa) [Formation of the material culture of the Khanty (the eastern group)]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. 365 p. [in Russian]
- Maslova, 1978** – *Maslova G.S.* (1978). Ornament russkoy narodnoy vyshivki kak istoriko-etnograficheskiy istochnik [Ornament of Russian folk embroidery as a historical and ethnographic source]. M.: Nauka. 208 p. [in Russian]
- MAES TGU** – Muzey arkheologii i etnografii Sibiri imeni V.M. Florinskogo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia named after V.M. Florinskiy (MAES), Tomsk State University]. [in Russian]
- Opis', 1948** – Opis' nakhodok k polevomu dnevniku arkheologicheskikh raskopok na Nizhnem Chulyume v iyune-iyule 1948 g. Arkheologo-antropologicheskii otryad kompleksnoy ekspeditsii Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: [Kollektsiya 6710. 1948] [A register of finds for a field diary of archaeological excavations on the Lower Chulyum River in June and July of 1948. The archaeology and anthropology group of the Tomsk State University integrated expedition: [Collection 6710. 1948]]. *MAES TGU: arkhiv. Delo 110-1*. No. 456–464. No sheets indicated. [in Russian]
- Opisi, 1949** – Opisi nakhodok arkheologicheskogo otryada arkheologo-antropologicheskoy Chulyumskoy ekspeditsii Tomskogo gosudarstvennogo universiteta 1949 g. (Smolokurovskiy i Strezhinskiy sel'sovety Molchanovskogo rayona Tomskoy oblasti): [Kollektsiya 6714. 1949] [Registers of finds found by the archeology group of the archaeological-and-anthropological Chulyum expedition of Tomsk State University in 1949 (Smolokurovskiy and Strezhinskiy village councils of Molchanovo area of the region of Tomsk)]. *MAES TGU: arkhiv. D. 117-2*. No. 1095–1117. No sheets indicated. [in Russian]
- Penyaev, 1953** – *Penyaev E.M.* (1953). Khozyaystvo chulyumskikh tatar (chulymtsev) v XVII veke: Dissertatsiya na soiskanie stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Economic activity of the Chulyum Tatars (Chulyms) in the 17th century: a dissertation for a 'Candidate of Historical Sciences' degree]. Tomsk, 1953. *MAES: arkhiv. D. 306*. Vol. 1. 348 p. [in Russian]
- Rozov, 1956** – *Rozov N.S.* (1956). Materialy po kraniologii chulymtsev i sel'kupov [Materials on the craniology of the Chulyum people and the Selkups]. *Antropologicheskii sbornik [Anthropological Collection]*. No. 1. 1956. pp. 340–373. (Trudy Instituta etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaya AN SSSR: Novaya seriya; Vol. 33). [in Russian]
- Rybakov, 1988** – *Rybakov B.A.* (1988). Yazychestvo drevnei Rusi [Paganism of the ancient Russia]. M.: Nauka, 785 p. [in Russian]
- Rybakov, 1997** – *Rybakov B.A.* (1997). Yazychestvo drevnikh slavyan [Paganism of the ancient Slavs]. M.: Nauka, 1997. 824 p. [in Russian]
- Ryndina, 1995** – *Ryndina O.M.* (1995). Ornament [Ornament]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1995. 640 p. (Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoy Sibiri, Vol. 3).
- Ryndina 2002** – *Ryndina, O.M.* (2002). Mir veshchnyy i mir vechnyy v pogrebal'noy obryadnosti khantov Salym'skogo kraya [A world of things and a world of eternity in the burial rite of the Khanty of the Salym region]. *Trudy Muzeya arkheologii i etnografii Sibiri Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, Vol. 1. pp. 165–198. [in Russian]
- Ryndina, 2013** – *Ryndina O.M.* (2013). Berestyanye tabakerki khantov kak mifologicheskii tekst [Birch bark tobacco boxes of the Khanty as a mythological text]. *Vestnik Tomskogo universiteta. Istoriya*, No. 1 (21). pp. 67–72. [in Russian]

Tyurki, 1991 – Tyurki tayozhnogo Prichulym'ya: Populyatsiya i etnos [The Turkic people of the taiga region of Chulym: a population and an ethnos]. E.L. Lvova, V.A. Dryomov, R.M. Biryukovich, G.A. Aksyanova, G.L.L. Khit, A.N. Bagashyov. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1991. 246 p. [in Russian].

Fyodorova, 1994 – *Fyodorova E.G.* (1994). Berestyanyaya utvar' narodov Sibiri. Konets XIX – pervaya polovina XX v. [Everyday birch bark items of the peoples of Siberia in the late 19th to the first half of the 20th centuries]. *Pamyatniki material'noy kul'tury narodov Sibiri*. SPb.: Nauka, pp. 76–119. [in Russian]

Kharinskiy, 1995 – *Kharinskiy A.V.* (1995). O poyavlenii kuritel'nykh trubok i tabaka v Pribaykal'e [On the emergence of smoking pipes and tobacco in the Baikal region]. *Baikal'skaya Sibir' v drevnosti: Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov*. Irkutsk, pp. 207–217. [in Russian]

Shapovalov, 2002 – *Shapovalov A.V.* (2002). Ocherki istorii i kul'tury potrebleniya tabaka v Sibiri: XVII – pervaya polovina XX v. [Essays on the history and culture of consuming tobacco in Siberia in the 17th to the first half of the 20th centuries]. Novosibirsk: Progress-Servis, 257 p. [in Russian]

Берестяные табакерки XVIII–XIX вв. тюрков таежного Причумылья (юг Западной Сибири)

Ольга Борисовна Беликова ^{a, *}

^aТомский государственный университет, Томск, Российская Федерация

Аннотация. На основе археологического материала рассматриваются вопросы, связанные с культурой потребления табака на юго-восточной периферии Западной Сибири – в таежном Причумылье (р. Чулым – правый приток р. Обь). Анализируется одна из категорий предметов этого универсального явления мировой культуры – берестяные табакерки-коробочки (8 экз.) из памятников XVIII–XIX вв., оставленных аборигенами Чулыма – чулымскими тюрками. Они предназначались для хранения измельченного табака или табачной смеси. Табакокурение, известное в Европе с конца XVI в., широкое распространение на территории России получило к началу XVII в. В научной литературе проникновение табака в коренное население Сибири определяется в основном XVII в. (А.В. Шаповалов допускает, что это событие произошло, скорее всего, в 1610–1630-е гг.). Чулымские тюрки познакомились с табаком и курительными атрибутами не ранее XVII в. через селькупов соседнего Нарымского Приобья. Из письменных этнографических свидетельств известно, что к 1770-м гг. чулымские тюрки к табакокурению приобщились уже массово. В XVIII–XIX вв. в их повседневной и ритуальной практике появляются берестяные табакерки. Они определенно были включены в погребальную обрядность женщин. Проведенное исследование выявило несомненное стилистическое единство табакерок чулымских тюрков по форме и конструкции. Установлено явно русское происхождение шести табакерок с орнаментальными композициями, пропитанными символикой земледелия и плодородия. Эта серия западносибирских артефактов – реликт русского берестяного творчества XVIII–XIX вв. Для двух табакерок без декора русское производство предположено. Русские табакерки являлись предметами товарообмена между русскими купцами и чулымскими тюрками.

Ключевые слова: потребление табака, табакерки, XVIII–XIX вв., Западная Сибирь, таежное Причумылье, чулымские тюрки.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: bob@mail.tsu.ru (О.Б. Беликова)